

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

Годъ XXI.

№ 10

5 Марта 1906 г.

Въ годъ 52 №№ журнала „РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ“, 12 книгъ и особія приложения.

Подписная цѣна на годъ безъ доставки въ Петербургъ 5 р., въ ост. и перес. по всей Россіи 6 р., на полгода 3 р., на мѣсяцъ 50 к. За границу 10 р. Отдѣльн. №№ 10 к. Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою по 40 коп. за мѣсто, занимаемое одною строкою понтисель въ $\frac{1}{4}$ ширины страницы.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Русскаго Паломника“ — С.-Петербургъ, Стрѣмянная, № 12, собств. домъ. Городскіе обращаются въ отдѣленіе конторы: Невскій просп., д. № 96, уголъ Надеждинской.

Каждый новый подписчикъ получаетъ въ уже вышедшіе въ 1906 году номера журнала со всеми приложениями.

За перемѣну адреса городского на иногородній, или иногородняго на городской, взимается 50 коп. — городского на городской или иногородняго на иногородній — 20 к. Необходимо прилагать прежній печатный адресъ.

„Русскій Паломникъ“ одобренъ всеми вѣдомствами.

Обрътеніе тѣла св. князя Василька Ростовскаго.

(Рисунокъ С. Животовскаго. — Къ стр. 149).

Въ скорбяхъ и бѣдствіяхъ.

Помыслите о Претерпѣвшемъ крестъ и такое надъ Собою поруганіе отъ грѣшниковъ, чтобы вамъ не изнемогъ и не ослабѣть душами вашими (Евр. XII, 3)

РЕСТЪ, обвитый розами,—вотъ символъ чело- вѣческой жизни. Прекрасенъ Божій міръ, и много въ немъ радостей, но сколько и страданій! И отъ послѣднихъ никто не свободенъ—отъ царскихъ чертоговъ до хижины бѣдняка.

Загляните въ исторію прошедшихъ вѣковъ, обратите свой взоръ къ настоящему—ведѣ увидите, какъ горе чередуется съ радостью, благополучіе смѣняется бѣдствіемъ. Ужаснулся бы человѣкъ, если бы его взору одновременно предстала вся совокупность чело- вѣческихъ скорбей и страданій. Но это сокрыто отъ нашихъ очей и вѣдомо единому Сердцевѣдцу...

Каждая отдѣльная личность относится къ выпадаю- щимъ на ея долю скорбямъ и страданіямъ различно. Многое (но не все) зависитъ здѣсь отъ самого чело- вѣка, отъ склада его религіозно-правственныхъ воз- зрѣній. Иной смѣлъ и отваженъ, пока все въ жизни ему улыбается. Но вотъ его постигло незначительное горе—и куда дѣвалась его самоувѣренность! Изъ-за какихъ мелочныхъ жизненныхъ невзгодъ въ нашъ нетерпѣливый вѣкъ многіе приходятъ въ уныніе,— объ этомъ хорошо знаетъ всякій, кто присматривается къ жизни и слѣдитъ за современной печатью. Въ чемъ же лежитъ причина этого печальнаго явленія нашего времени? *Въ безыріи* и отсутствіи въ чело- вѣкѣ *прав- ственной выдержки духа* въ тяжелую минуту жизни. Если всѣ помыслы чело- вѣка тяготеютъ къ земному, если онъ смотритъ на жизнь, какъ на непрерывный рядъ удовольствій, а не какъ на трудный подвигъ, приготавливающий его къ вѣчности, то въ чемъ найдетъ онъ себѣ опору и утѣшеніе въ годину скорби и бѣд- ствій? Въ вѣрѣ въ Бога-Промыслителя? Но эта вѣра, вос- принятая холоднымъ разсудкомъ на школьной скамьѣ, заглохла въ душѣ, отдавшейся мірской суетѣ. Въ са- момъ себѣ? Но онъ не воспитанъ въ себѣ христіанскаго терпѣнія, и чужды его душѣ великіе образы христіанъ первыхъ вѣковъ, *подозвавшихся до крови* (Евр. XII, 4) во имя Пострадавашаго за грѣшный міръ.

Въ бесѣдѣ съ другими людьми? Хорошо, если въ нашъ себялюбивый вѣкъ найдутся такіе, которые участ- ливо отнесутся къ его страданіямъ. Но и въ этомъ случаѣ слово христіанскаго утѣшенія падетъ на не- подготовленную почву, а потому если и принесетъ, то малый плодъ. Не говоримъ уже о томъ, что нерѣдко на долю чело- вѣка выпадаютъ и такіа скорби, въ кото- рыхъ помочь ему никто не въ силахъ. Ощутить тогда чело- вѣкъ весь ужасъ своего положенія, замкнется въ себѣ самомъ, возненавидитъ все окружающее и про- клянетъ день своего рожденія. Безотрады будутъ остальные дни жизни его, и, умярая, онъ ощутитъ въ душѣ своей лишь одну ужасающую пустоту...

Но можетъ быть и хуже. Возможно, что у чело- вѣка не найдете силъ даже для того, чтобы въ этомъ чер- ствомъ эгонстичномъ прозябаніи нести тяготу жизни, и тогда предъ нимъ рухнетъ и послѣдній опора: жизнь тогда превращается для него въ одну невыно- симую пытку, и онъ не придумаетъ другого конца своему бесплодному терпѣнію, кромѣ самовольнаго освобожденія отъ самой жизни путемъ самоубійства...

Страшно за участь такого чело- вѣка, и жалко, не- выразимо жалко, что онъ считалъ для себя все погиб- шимъ, что среди окружавшей его непроглядной тьмы не блеснулъ для него ни одинъ свѣтлый лучъ, что онъ не отыскалъ пути, ведущаго къ просвѣту. А этотъ путь существуетъ. То—путь истиннаго христіанна. Для него жизнь ясна. Она освѣщается для него глу- бокою и живою вѣрою въ Бога-Промыслителя, Кото- рымъ всѣ мы „живемъ и движемся, и существуемъ“ (Дѣян. XVII, 28). Изнемогая подъ бременемъ жизнен- наго креста, посланнаго ему Богомъ, онъ устремляетъ свой взоръ къ тому единому Врачу душъ и тѣлесъ нашихъ, Который еще древле зывалъ чрезъ псалмо- пѣвца: „Призови Меня въ день скорби; Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня“ (Пс. XLIX, 15), а „въ послѣдокъ дней“ глаголатъ намъ въ Сынѣ: „Придите ко Мнѣ, всѣ труждающіеся и обремененныя, и Я упокою васъ“ (Мф. XI, 28).

Въ особенности же прольютъ невыразимую отраду и успокоеніе въ его скорбную душу размысленія о земной жизни Спасителя и Его великомъ подвигѣ искупленія міра. Смущаютъ ли его въ самыя тяжелыя минуты испытаній разныя искушенія; кажется ли ему, что помощь Божія оставила его и нѣтъ впередъ никакой надежды,—онъ возноситъ теплую молитву къ своему Искушителю-Страдальцу—и въ ней почерпаетъ новыя духовныя силы для безропотнаго перенесенія скорбей и бѣдствій. Онъ твердо вѣруетъ слову апостола, что Богъ „не попуститъ намъ быть искушаемыми сверхъ силъ, но при искушеніи дастъ и облегченіе, такъ чтобы мы могли перенести“ (1 Кор. X, 13).

Ограждаемый такою вѣрою, христіанинъ уже не молить Господа объ отвращеніи отъ него бѣдъ и скор- бей, которыя сначала такъ ужалили его: онъ чув- ствуетъ, что чрезъ нихъ очищается его душа отъ прежней грѣховной жизни, какъ золото въ горнилѣ, и его молитва къ Небесному Отцу слагается въ мо- литву Господню: „Да будетъ воля Твоя!“ И на смерт- номъ одрѣ, въ послѣдній часъ жизни своей, обозрѣвая мысленно весь пройденный имъ путь скорбей и стра- даній, не произнесетъ онъ „ничего неразумнаго с Богомъ“, но вмѣстѣ съ образцомъ терпѣнія—Иовомъ— воскликнетъ: „Какъ угодно было Господу, такъ и сдѣ- лалось: да будетъ имя Господне благословенно“ (Иов. I, 21)

Ив. Студитскій.

Отъ Святѣйшаго Синода пастырямъ право-
славной россійской церкви предъ выборами
въ Государственную Думу.

ОСТАВЛЕННЫЕ благодатию священства къ „строению таинъ Божіихъ“ (1 Коринѣ. IV, 1) на землѣ, пастыри церковные суть первѣе всего служители святой церкви: на благо ей должны они направлять все помыслы свои и ей посвящать всю жизнь свою. Церковь Христова, созидающая родъ человѣчскій ко спасенію благодатию Господа нашего Иисуса Христа, содержитъ вѣчную истину правды Божіей, дѣйствующей въ мірѣ къ совершенію любви въ родѣ людскомъ и къ предуготовленію Царства Божія. По слову Господню, „свѣтильника не скрываютъ подъ спудомъ“ (Матѣ. V, 15), но ставятъ его такъ, чтобы онъ свѣтилъ міру. И свѣтъ правды Божіей долженъ освѣщать всю жизнь нашу, проникая въ семейный, общественный и государственный строй. Посему пастыри церкви, вездѣ и всегда дѣйствуя по правдѣ Божіей, должны учить и пасомыхъ своихъ блюсти правду эту во всѣхъ дѣлахъ своихъ.

Издравде въ Россійской Державѣ Церковь Православная крѣпко хранить союзъ свой съ государствомъ, и строительство великаго отечества нашего велось подъ сѣнью церковною, молитвами святителей россійскихъ, ихъ дѣломъ и совѣтомъ Государямъ нашимъ и народу нашему.

Въ былые дни, когда въ великое море русскаго единодержавія еще только вливались потоки удѣльныхъ княжествъ, святитель Петръ вдохновенно прорѣлъ и пророчески предрекъ грядущую судьбу начинавшейся тогда Москвы, молитвою, словомъ и участіемъ своимъ мощно подвинулъ великое дѣло собиранія Руси. За князя великаго, за весь народъ русскій, за всю страну ходилъ предстательствовать св. митрополитъ Алексій въ татарскую орду и дважды отвратилъ отъ отечества нашего великую бѣду нашествія татарскаго. А когда наводнили Русь полчища Мамай и настала рѣшительная часъ, другой угодникъ Божій, защитникъ и хранитель Русскаго государства — преподобный Сергій Радонежскій благословилъ вождя Россіи на брань въ защиту родины, за землю Русскую, да кровію своею искупить отечество и вѣру, да не страшится великій князь Дмитрій Іоанновичъ враговъ и да идетъ на нихъ необязненно съ вѣрою и Богомъ. Сто лѣтъ спустя владыка Василіанъ Ростовскій молилъ великаго князя, стоявшаго предъ тѣмъ же врагомъ, не падать усилій и трудовъ на благо родины, стоять за православный народъ и отечество и сберечь врученное ему словесное стадо отъ хищнаго волка. И отечество наше отъ ига монгольскаго стало свободно. Не смолкалъ голосъ церкви и предъ грознымъ царемъ Іоанномъ. Когда множествомъ тяжкихъ грѣховъ омрачилось сердце царево, святитель московскій Филиппъ, дерзновенно и смерти самой не страшась, царя по-

учать жестокость и казни оставить. Въ годину же лихолѣтя, когда гибли, казалось, и отечество, и вѣра наша, разорялись храмы, всюду выселись могилы, какъ горы, и не свѣтомъ луны, а заревомъ пожаровъ озарялись ночи, — благословеніе первопрестольника Церкви Россійской святѣйшаго патриарха Гермогена окрыляло слабѣвшій временами духъ народа, подвигавшагося на защиту родины, а великій подвигъ мученической смерти святителя за вѣру и отчизну запечатлѣлъ святою кровію великое дѣло Пожарскаго и Мишина. Да и вся лѣтопись земли нашей полна подвиговъ многихъ и многихъ достопамятныхъ служителей алтаря Господня — отцовъ нашихъ, запечатлѣна ихъ кровію за землю Русскую.

И широко разрослось отечество наше, собравъ подъ единою царскою властью, въ единомъ народѣ россійскомъ народности земли, христіанъ православныхъ и людей иной вѣры.

Нынѣ вновь на Русь заколебался строй жизни. Многие люди, забывъ страхъ Божій, ослѣпленные безуміемъ мысли, мнили достигать блага народнаго призывомъ къ неповиновенію властямъ, къ наслію и возстанію. Не виѣшній врагъ стоитъ теперь передъ Русью, не сила оружія грозитъ ей. Другая новая напасть въ отечествѣ нашемъ. Мятущійся духъ и безуміе мысли, болѣзнь души народной разрушаетъ миръ отчизны нашей. И смута эта не углеглась еще. Въ такое время не могутъ и не должны безмолвствовать пастыри церкви. Помня завѣты святителей россійскихъ, угодниковъ Божіихъ, не щадя жизни своей, должны они обличать неправду поиранія власти, неправду поиранія власти, неправду призыва ко всяческому наслію и смутѣ. „Вѣру нашу“, которою мы живы, „должны мы показать изъ дѣлъ нашихъ“ (Іак. II, 18—22), творя правду Божію; отечество наше великое цѣльное, трудами и кровію отцовъ нашихъ и великихъ Государей россійскихъ собранное во едино, — сохранить и защитить; царскую власть помазанника Божія не дать на поправіе врагамъ и непрестанно молить Господа, „да умудритъ Онъ Царя нашего и благословитъ Его, и охранитъ Его на всѣхъ путяхъ Его“ (Псал. XC, 11), всегда печалуйся за правду и милость въ царствѣ и дѣлѣ Его.

Сего, іерепъ Церкви Божіей, держитесь и сему учителе. За Вѣру, Царя и Отечество стояли отцы наши, умирали русскіе люди на полѣ брани, и мы, съ помощію Божіею, стоимъ даже до смерти. И во всѣхъ племенахъ и народахъ Россіи творите служеніе Богу и Церкви его, склоняя сердца всѣхъ людей къ правдѣ, къ любви, къ утверженію мира въ братскомъ единствѣ подъ сѣнью Россійской Державы. Всегда памятуйте слово апостола: „Оружія воинствованія не плотскія, но сильныя Богомъ на разрушеніе твердынь: имъ испровергаемъ замыслы“ (2 Коринѣ. X, 4).

Великому Государю нашему угодно было повелѣть собрать вокругъ Себя выборныхъ отъ народа Своего, чтобы народъ могъ видѣть и дѣлать труды царскіе

къ водворенію въ строе государственной жизни мира, свободы и правды. И церковь призвала на это великое дѣло благословеніе Божіе. По царскому слову готовятся нынѣ русскіе люди къ выборамъ въ Государственную Думу, соединяются въ союзы и общества, изыскивая лучшіе и во многомъ новыя для Руси порядки, о которыхъ спраются предлагать Думѣ.

Какъ же должны въ этомъ дѣлѣ поступать пастыри церкви и какъ отвѣчать прихожанамъ: къ какому союзу примкнуть?

Въ сказанномъ уже содержится отвѣтъ.

Не можетъ пастырь и не долженъ связывать себя ни съ какимъ союзомъ, ни съ какою партіей, ибо одинъ для него союзъ—Христовъ въ Церкви Божіей, съ кою онъ соединенъ на-вѣки нерушимыми узми обрученнаго мужа. Кто твердо стоитъ въ этомъ союзѣ, тотъ различитъ все то доброе, что есть въ возникшихъ мірскихъ союзахъ. „Все испытывайте, хорошаго держитесь“ (1 Фесс. V, 21). А хорошее это—въ правдѣ Божіей, въ Церкви Христовой. Все, что идетъ путемъ мира, любви и порядка, все, что за вѣру истинную, все, что за Царя православнаго, за цѣлость отечества нашего,—все это да будетъ благословенно. Все же, что противъ сего, что идетъ не путемъ мира и любви, а взываетъ къ насилію и возстанію, да будетъ нами отринуто во имя Божіе.

О новыхъ порядкахъ для государства нашего, предлагаемыхъ разными союзами, обществами и партіями, судите по тому же.

И учите не соблазняться посулами людей, кои, не вѣруя въ Бога, во главу угла ставятъ благо вещественное. И Господь насыщать алкавшихъ (Матѣ. XIV, 16; Марк. VI, 37; Лук. IX, 13), и слово Божіе призываетъ къ милости и благотворенію немущимъ. Но забота лишь о единомъ довольствѣ тѣлесномъ противна Богу. „Не хлѣбомъ однимъ будетъ живъ человекъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ“ (Матѣ. IV, 4). И велика неправда тѣхъ, кто благо народа думаетъ создать на одной лишь заботѣ о достаткѣ народа. Что пользы человѣку, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ дать человѣку за душу свою? (Марк. VIII, 36. 37). А если и весь народъ душѣ своей повредитъ и утратитъ духъ мира, любви и спокойствія жизни,—что пользы ему отъ достатковъ его и какое въ народѣ томъ будетъ довольство?

Не прельщайтесь также надеждами на свободу многую въ дѣлахъ мірскихъ. Доколь зло въ мірѣ, доколь любовь не превозмогла въ немъ неправду и злобу, мірская жизнь должна неизбѣжно подчиняться закону и дѣйствию власти. Иначе превозможетъ и самое зло, поработитъ себѣ людей, и во злобѣ людской надежда свободы печезнетъ, какъ дымъ. Но вы стойте въ свободѣ, которую даровалъ намъ Христосъ, ибо свобода сія—въ добровольной покорности вашей церкви Христовой, побѣждающей всякое зло. „Къ свободѣ при-

званы вы, братія: только бы свобода ваша не была поводомъ къ угожденію плоти: но любовію служите другъ другу“ (Галат. V, 13). Подчиненіемъ воли своей волѣ Божіей, голосу церкви Христовой, достигайте свободы.

И остерегайте пасомыхъ вашихъ уклоняться отъ выборовъ въ Думу, чтобы не явились они противниками воли Царя, призывающаго избранныхъ народа Своего дѣлать съ Нимъ Его Государево дѣло. Пусть каждый изъ нихъ по правдѣ и совѣсти чистой, какъ передъ Богомъ, укажетъ на лучшихъ людей и подастъ за нихъ голосъ. А если и самъ пастырь церковный приметъ участіе въ томъ выборномъ дѣлѣ, имѣя на это законное право,—нѣтъ ему въ томъ укоризны. Но пусть никогда не забываетъ, что всегда и всюду онъ—пастырь Церкви, примѣръ для другихъ и не можетъ себя допускать онъ до споровъ излишнихъ и страсти борьбы, но въ разумномъ спокойствіи да свершаетъ гражданскій свой долгъ. Не можетъ раздѣлиться человекъ самъ въ себѣ, какъ нѣкіе мнятъ, что, исполняя царскій законъ о выборахъ въ Думу, пастырь церковный—уже не пастырь, а простой мірянинъ. И здѣсь, какъ вездѣ и всегда, „да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла и прославляли Отца вашего Небеснаго“ (Матѣ. V, 16).

Великъ и труденъ вашъ пастырскій долгъ въ сіе бурное время. Но не бойтесь. Господь не оставитъ васъ. Да будетъ надъ вами и дѣломъ вашимъ благословеніе Божіе. Да окрыляетъ васъ слово Господне: „Да не смущается сердце ваше“ (Іоан. XIV, 1).

О, Боже мой!..

О, Боже мой! пошли забвенье
Душѣ страдающей моей;
Минувшей жизни преступленья
Меня томятъ въ тиши ночей!..
Уможанъ страсти, увлеченья..
Видѣньемъ страшнымъ предо мной
Предсталъ весь ужасъ осужденія
На муку вѣчную Тобой!
О, дай мнѣ, Боже мой, прощенье!
Верни душѣ моей покой!
Прости безумцу ослѣпленіе—
Рыдая, каюсь предъ Тобой!..
На образъ Твой, мировъ Властитель,
Гляжу съ надеждой и мольбой.
«Прости преступника, Спаситель»—
Твержу съ безумною тоской!..
Пошли мнѣ, Боже мой, забвенье,
Какъ символъ милости Твоей:
Минувшей жизни преступленья
Меня томятъ въ тиши ночей!..

И. М. Васильевъ-Хрѣновскій.

Св. князь Василько.

ГЛУБИТЕЛЬНОЮ чертою въ жизни древне-русскихъ княжескихъ семействъ было благочестіе. Въ благочестіи, въ богомыслии, въ радѣніи о служеніи Богу и людямъ воспитывались члены княжескихъ семей; и когда имъ самимъ приходилось становиться во главѣ народа, они являлись для него не только властелинами, но и яркими свѣтильниками, указывавшими путь къ добродѣтели и святой жизни.

Духомъ благочестія была проникнута домашняя жизнь и князя Ростовскаго Константина Всеволодовича. Онъ твердо помнилъ о Богѣ и любилъ служеніе Ему никогда не забывая объ исполненіи Его воли. Онъ былъ весьма образованъ, но и образованіе его носило тотъ же благочестивый характеръ: онъ много читалъ духовныхъ книгъ, любилъ духовныя бесѣды.

И вотъ въ семьѣ этого богобоязненнаго князя въ 1209 году родился сынъ, котораго во св. крещеніи нарекли Василькомъ. Съ самыхъ первыхъ шаговъ воспитаніе Василька получило должный, высокій характеръ. Умъ и сердце его подъ руководствомъ благочестиваго отца направлялись къ Богу.

Въ 1216 году Константинъ Всеволодовичъ получилъ великокняжескій столъ во Владимірѣ, и семилѣтній Василько былъ посаженъ на княженіе въ Ростовѣ. Но отецъ не бросилъ безъ призора своего сына. Повременамъ онъ посылалъ бояръ своихъ справляться о сынѣ; а при самомъ княжичѣ постоянно, въ качествѣ воспитателя, находился Ростовскій епископъ Нахомій, пастырь искренній, безкорыстный, сострадательный и много начитанный.

Воля Божіей угодно было вскорѣ послать неслышавшаго молодому князю: 2 февраля 1219 года умеръ его отецъ. Но, умирая, Константинъ Всеволодовичъ оставилъ своимъ дѣтямъ завѣщаніе, которое должно было навсегда остаться для нихъ руководящимъ правиломъ въ ихъ жизни и которое, дѣйствительно, и было таковымъ: „Любезныя дѣти!— писалъ умирающій великій князь,— живите въ любви между собою, Бога бойтесь всею душою и заповѣди

Его соблюдайте во всемъ; живите, какъ жилъ я: ширшихъ и вдовыхъ не презирайте, не уклоняйтесь отъ церкви, уважайте іерейскіи и иноческіи чины, слушайте книжное ученіе; будьте въ любви между собою, и Богъ мира будетъ съ вами; слушайте старшихъ—они учатъ васъ добру, а вы еще молоды. Вѣжу, дѣти мои, что конецъ мой близокъ. Поручаю васъ Богу и Пречистой Богородицѣ“...

Крѣпко воспринялъ въ свою душу молодый князь завѣтъ отцовскій, и вся его жизнь была исполненіемъ его. Уже молодымъ юношей обратилъ онъ на себя вниманіе

Обличеніе царя Давида пророкомъ Наханомъ. — Къ стр. 159.

своихъ современниковъ. Подданные его, ростовскіе граждане, не могли нахвалиться своимъ княземъ. Лѣтописецъ описываетъ его такими чертами: „Красавецъ лицомъ, съ очами свѣтлыми и грозными, онъ былъ храбръ, добръ сердцемъ, ласковъ съ боярами. Кто пѣзъ бояръ служилъ ему, кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ изъ его чаши, тотъ не могъ забыть его, не могъ быть слугою другого князя: онъ очень любилъ служившихъ ему. Въ немъ мужество соединено было съ умомъ и правдивость съ знаніемъ. Онъ былъ во всемъ свѣдущъ, на все способенъ. Это былъ отецъ и кормитель сиротамъ, великое утѣшеніе печальнымъ. Очи сердца его открыты были Богомъ на весь церковный

чинъ, и онъ былъ отцомъ для всѣхъ духовныхъ и бѣдныхъ“.

Помнилъ Василько завѣтъ отца о стремленіи къ христіанскому просвѣщенію и о почитаніи іерейскаго и иноческаго чина. До сихъ поръ отъ того времени осталась книга—житіе Нифонта Кипрекаго. Житіе это было написано въ Ростовѣ, и составитель его, умиленный, очевидно, покровительствомъ, какое оказывалъ ему, какъ христіанскому писателю, Василько,—восклицаетъ въ концѣ: „Святіи апостоли, пророци, мученици, св. Нифонте! помозите моему господину Васильку“...

Въ то время ростовскій епископъ удалился отъ каведры. На его мѣсто былъ избранъ владимірскій игуменъ Кириллъ, который былъ посвященъ въ Кіевѣ въ епископскій санъ. Когда новопосвященный епископъ прибылъ въ Ростовъ, Василько встрѣтилъ его съ такою радостью и съ такими почестями, которыя вполне доказывали, что молодой князь свято почитаетъ завѣтъ отца о почитаніи священнаго чина.

Приверженъ былъ благочестивый князь и къ благолѣпію христіанскихъ храмовъ. Памятникомъ его заботъ о церковномъ благолѣпіи является и донынѣ ростовскій соборъ, мѣсто покоя великихъ чудотворцевъ Леонтія и Исая, мощи которыхъ были торжественно перенесены при его освященіи, въ присутствіи молодого, богобоязненнаго князя...

Тихо, мирно текла жизнь Василька, сотканная изъ добрыхъ дѣлъ, благочестивыхъ думъ, стремленій. Но Богъ готовилъ Своему избраннику великое испытаніе. Тогда на Русь надвинулись грозныя полчища татаръ, и молодой князь, вмѣстѣ съ другими вставшій на защиту родины, долженъ былъ принять участіе въ сраженіи на рѣкѣ Сити, 4 марта 1238 года. Храбро сражался князь, но подъ конецъ битвы, неудачно окончившейся для русскихъ, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ шайками хана Бурундая, невдалекѣ отъ Бѣжецка и Кашина. Видный собой, храбрый воинъ въ бою, Василько обратилъ на себя вниманіе татаръ, и они убѣждали его принять мусульманскую вѣру, обѣщая за это почетъ и даже дружбу грознаго хана Батя.

Но благочестивый князь въ своемъ бѣдствіи видѣлъ лишь испытаніе Божіе своей вѣрѣ и рѣшилъ твердо пойти ему навстрѣчу. Онъ не захотѣлъ даже прикоснуться къ пищѣ татаръ, считая ее нечистой, и на всѣ уговоры ихъ отвѣчалъ: „О, темное царство! не разлучить тебѣ меня со Христомъ моимъ. Мое несчастіе тяжело, но оно спасительно для меня. Что же ждетъ тебя съ твоимъ мнимымъ счастіемъ? Есть Богъ, и темное царство погибнетъ, когда исполнится мѣра его беззаконія“. Тогда татары сказали ему, что онъ будетъ казненъ.

Съ молитвой покаянія на устахъ сталъ готовиться Василько къ своей смерти. „Господи!—молился онъ,—Ты знаешь всѣ тайны сердца моего, всѣ нечистоты его; отъ тайныхъ моихъ очисти меня“. Онъ молился за себя, за дѣтей, за всѣхъ братьевъ христіанъ... Нако-

пецъ, пришло время кончины его. Татары его изувѣченнаго бросили въ лѣсу Шеренскомъ. Шеренскій лѣсъ извѣстенъ и теперь, въ 25 верстахъ отъ Кашина и въ 38 отъ Калязина. Здѣсь, въ память страдальческихъ подвиговъ князя Василька, когда-то стоялъ монастырь; теперь здѣсь—село Ширинское.

Брошенное въ лѣсу на полянѣ тѣло св. князя увидела одна женщина и испуганная, сказала о томъ нѣкоему богобоязненному человѣку. Съ благоговѣніемъ и трепетомъ направился тотъ въ лѣсъ, и его глазамъ представился такъ любимый всѣми молодой князь, теперь лежавшій бездыханнымъ трупомъ... Вскорѣ тѣло князя было торжественно и при несмолкаемомъ плачѣ народа перевезено въ Ростовъ.

Церковь причислила князя-мученика къ числу святыхъ и чтить его память 4 марта, въ день несчастной битвы и смерти мученика.

П. Д. Глаголевъ.

Моленіе Сладчайшему Иисусу.

ОМЫШЛЯЯ со страхомъ, въ великомъ смущеніи
О предсмертныхъ минутахъ послѣдняго дня,
Трещу, сознавая свои прегрѣшенья...
Иисусе Сладчайшій, помилуй меня!

Не остави въ томленіи меня одинокомъ,
Въ часъ ужасный исхода, Христе, моего!
Да узрю близъ себя угасающимъ окомъ,
Иисусе Сладчайшій, Тебя одного!

И когда окружаютъ мое смертное ложе
И приближатся зраки лукавыхъ духовъ,
Заслони ихъ видѣнья ужасныя, Боже,
И укрой мою душу отъ злобныхъ враговъ.

Чтобы слухъ не смущали мірскіе мнѣ звуки,
Ты хранителю-ангелу имя Твое
Повели мнѣ твердить въ утосненіи муки,
Иисусе Сладчайшій, Спасеніе мое!

Цѣпенящихся устъ не отриши моленья,
Разрѣши мнѣ языкъ въ сей послѣдній мой часъ!
Покаянныхъ стenanій въ предсмертномъ бореньи,
Иисусе Сладчайшій, услыши мой гласъ!

И когда уже смерть затуманитъ мнѣ очи
И на вѣки для міра закроется слухъ,
Просвѣти этотъ мракъ наступающей ночи
И прими, Иисусе Сладчайшій, мой духъ!

Разрѣшенную душу изъ тѣла темницы,
Всю объятую страшной смертельной тоской,
Да покроетъ Твоя всеблагая Досница,
Иисусе Сладчайшій, Возлюбленный мой!

Отъ воздушныхъ митарствъ, отъ враговъ и мучени
Безответную, робкую Самъ защити!
И грѣховъ ея бездну, ея дерзновеенья
За любовь лишь и вѣру о, Боже, прости!

Если же духъ мой, Христе, воскресенный Тобою,
Удостоится Свѣтъ Трисянный узрѣть,
Возроди его Ты благодатью святою,
Чтобы вѣчно любовью онъ могъ пламенѣть!

Чтобы могъ наслаждаться Твоимъ лицезрѣніемъ,
Иисусе Сладчайшій, Податель благихъ,
И, Тебя славящая немолчаливъ хваленьемъ,
Упокоится сладко въ объятыхъ Твоихъ!

Е. Альвовъ.

Исповѣдь.

Испасительнаго поста продолжаютъ. Съ жалобнымъ стономъ несутся печальные, рѣдкіе удары колокола. Монотонное чтеніе сливается въ святой гармоніи съ унылой, трогательной, великопостной пѣснью, раздаются покаянныя слова молитвы св. Ефрема Сирина. Такъ не будемъ безучастно относиться къ глубокому трауру церкви!

Довольно носиться въ вихрѣ суеты и легкомыслія. Довольно оставаться въ плѣну преступныхъ наслажденій, въ ухахъ грѣха. Довольно убаюкивать тревожныя движенія сердца нравственной безпечностью! Давно уже пора примириться съ Небеснымъ Правосудіемъ и залечить язвы совѣсти. Такъ не будемъ злоупотреблять долготерпѣніемъ Неба и поспѣшимъ раскаяться!

Если имя „христианинъ“ для насъ еще не пустой звукъ, то припадемъ ко Христу и, не стыдясь, не утаивая ничего, выскажемъ Ему всѣ горькія свои паденія, откроемъ раны своего больного сердца, гдѣ грѣхъ свилъ себѣ прочное гнѣздо, и, наконецъ, выплачемся передъ Нимъ!

Много у насъ грѣховъ, и при томъ великихъ. Но смущаться нечего. Вся бездна грѣховъ тонетъ въ Божественной Любви и Милосердіи.

Нѣтъ словъ, что каждый мигъ, каждую минуту мы оскорбляемъ своими беззаконіями долготерпѣніе Божіе. Постоянно падаемъ и прогнѣвляемъ Господа. Но Онъ все-таки ожидаетъ нашего обращенія, ищетъ насъ, какъ заблудшую, погибшую овцу, какъ потерянную драхму и, нашедши, всегда готовъ помиловать насъ, какъ блудницу, какъ разбойника.

Кто-то сказалъ:

Смотрю на прошлое съ боязнью,
Напрасно въ немъ добра ищу
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Томлюсь, страдаю, трепещу...

И мы, подходя къ Распятію и Евангелію, подходя къ исповѣди, будемъ томиться и трепетать, но въ то же время твердо вѣрить и надѣяться, что мы непременно будемъ прощены.

Твердая вѣра, что Богъ проститъ намъ тѣ грѣхи, въ которыхъ мы раскаемся, это—первое условіе исповѣди.

Но вотъ досадное явленіе! Часто наше раскаяніе бываетъ холодное какое-то. Иной разъ мы не знаемъ даже, въ чемъ и каемся-то. Уже приходится отцу духовному напоминать намъ грѣхи-то наши. Что это на самомъ дѣлѣ за печальное явленіе и отчего оно происходитъ?!

Оттого, что мы далеки отъ самопознанія, нѣтъ у насъ ни малѣйшаго желанія углубиться въ себя даже въ то время, когда просыпается совѣсть и обличаетъ насъ, что мы не благоразумно расточаемъ свое нравственное сокровище, свои силы, свою, быть можетъ, молодость, духовныя способности. И вотъ только что неподкупной голосъ совѣсти хотѣлъ намъ напомнить

все бывшее—грѣховное, забытое—преступное, какъ мы его тутъ же заглушаемъ.

Мы какъ будто бы чего-то опасаемся, страшимся до невозможности боимся уйдти въ себя, побыть наединѣ съ собой, съ своей совѣстью.

Мы блещемъ ученостью, можемъ измѣрить глубину океана, высоту неприступной горы, съ поразительной точностью вычислить сложное движеніе небесныхъ свѣтилъ; знакомы съ жизнью, нравами, обычаями людей, живущихъ отъ насъ за тысячи верстъ; намъ извѣстно подводное царство; мы изучили всѣ причудливыя жилки, расползающіяся по лепесткамъ красивой розы или по корнямъ молодого дуба; опишемъ капризное очертаніе каждой чашечки цвѣтка,—но при всемъ томъ не знаемъ себя, своей души и не желаемъ въ нее заглянуть поглубже даже въ дни святого говѣнія.

А между тѣмъ искреннее, *сердечное сокрушеніе, плачь о своихъ грѣхахъ*—это второе условіе нелицемѣрной исповѣди. Необходимо ясно сознать свою вину, всю мрачную бездну своего нравственнаго паденія и съ сокрушеніемъ сердца (непремѣнно съ сокрушеніемъ) вздохнуть: „Боже, согрѣшилъ—прости!“

Только нужно разумно познать свое паденіе, свои грѣхи, а тамъ уже само собою явятся, и печаль, и сожалѣніе, и потоки слезъ—слезъ самыхъ успокоительныхъ, дорогихъ, святыхъ.

Когда уже оплакано, орошено слезой больное, падшее сердце, когда темное облако грѣха пронеслось и и разлилось благодатнымъ дождемъ, когда въ повинную грудь уже ворвался небесный лучъ Солнца правды,—тогда нужно придти къ *твердому намѣренію исправиться*, и это будетъ третье условіе истиннаго покаянія.

Да, исправиться, круто измѣнить свой образъ жизни, погасить пламя чувственныхъ наслажденій, жажду страстей, затеплить въ охладѣвшей душѣ ревность къ добру и правдѣ! Этого требуетъ святой, согрѣвающій взоръ Небесной Любви.

Н. Кузьминъ.

Русское паломничество.

III. Глинская пустынь *).

I.

А парѣ монастырскихъ лошадокъ изъ Софроніевой пустыни ѣду далѣе на сѣверъ, по направленію къ городу Глухову, въ Глинскую пустынь. На полдорогѣ, съ лѣвой стороны, на границѣ двухъ губерній, Курской и Черниговской, открылась небольшая, но красивая, Петропавловская пустынь. Останавливаться въ ней у меня не было времени: я сѣвшилъ ко всеобщей въ Глинскую пустынь, до которой отъ Софроніевой считается около двадцати пяти верстъ.

*) Настоящая статья является продолженіемъ ряда очерковъ, печатавшихся въ «Русскомъ Паломникѣ» въ минувшемъ году. *Ред.*

Однообразный видъ полей сталъ смѣняться красивыми пейзажами. У самой пустыни подымался зеленый лѣсъ. Мелькнули вдали бѣлыя зданія. Постѣ нѣсколькихъ поворотовъ возница остановился у гостиницы.

О моемъ приѣздѣ въ пустынь отецъ настоятель ея былъ заранѣе предупрежденъ изъ С.-Петербурга, а потому, подавая гостиннику свою визитную карточку, я просилъ его напомнить о. архимандриту, что я тотъ самый, о которомъ писалъ ему г. Н.

гося изъ деревни на два—три дня? Имѣется въ виду скоро совсѣмъ уничтожить паспорта въ городахъ, а вы находите нужнымъ требовать ихъ въ пустыняхъ. Мнѣ кажется, для всякой христіанской обители долженъ быть вотъ какой паспортъ: „Исповѣдуешь Іисуса Христа, пришедшаго во плоти?“—„Исповѣдую!“—„Милости просимъ—въ домъ войти“, какъ говоритъ Богословъ (2 Іоан. I. 7, 10). Не такъ ли?

Смущенный монахъ опустил глаза и проговорилъ

Глинская пустынь. — Общій видъ.

Монахъ, повертѣвъ въ рукахъ мою карточку, какъ бы не придавая ей никакого значенія, замѣтилъ мнѣ:

— О. архимандрита нѣтъ дома... А покажите-ка мнѣ вашъ паспортъ?

— Хорошо, если надо, я покажу его о. архимандриту. А теперь, я васъ прошу, отнесите ему мою карточку.

Монахъ не тронулся съ мѣста.

— Неужели вы у каждаго приходящаго сюда прежде всего спрашиваете паспортъ? Сколько мнѣ извѣстно,—говорю я ему,—по всѣмъ монастырямъ и пустынямъ толпы паломниковъ почуютъ по двѣ, по три ночи, и чикто у нихъ не спрашиваетъ вида на жительство. Да и какой вы спросите видъ у крестьянина, отлучивша-

— Простите, если я по невѣжеству что-нибудь не такъ сказалъ

И каково было его удивленіе, когда о. настоятель, увидя мою карточку, поторопиль его скорѣй привести меня къ нему, какъ желаннаго гостя!

Архимандритъ, о. Исаія, угощая меня ужиномъ до всеобщей, кратко разсказалъ мнѣ о происхожденіи пустыни.

Возникновеніе Глинской Рождество-Богородицкой мужской общежительной обители относятъ къ XVI столѣтію, ко времени явленія чудотворной иконы Рождества Богородицы въ „бортиномъ ухажѣ“, т. е. лѣсномъ урочищѣ, гдѣ пчеловоды выдалбливали деревья для того, чтобы въ нихъ водились дикія пчелы. Въ этомъ же

лѣсу когда-то добывали глину, а потомъ и урочище, а за нимъ и обитель стала называться „Глинскою“.

Въ соборѣ, гдѣ уже шла служба, я засталъ много народа. Кромѣ черноризцевъ (обитель насчитываетъ ихъ до 700 человекъ), сюда сходятся толпы народа изъ окрестныхъ деревень. Лѣтомъ обитель охотно посѣщается и дальними паломниками.

Главною святынею храма считается небольшая (приблизительно, четыре квадратныхъ вершка) явленно-

икона Божіей Матери и древняго письма икона св. Николая Чудотворца.

Во время чтенія канона я вышелъ изъ храма и сталъ осматривать на его паружныхъ стѣнахъ библейскія картины и изображенія святыхъ. То же самое было и на другомъ соседнемъ храмѣ. Эти картины служатъ для неграмотнаго народа яркою проповѣдью, въ своемъ родѣ назидательною книгою.

Съ выносомъ Евангелія на средину церкви нача-

Глинская пустынь. — Соборный храмъ.

чудотворная икона Рождества Пресвятой Богородицы, называемая „Пустынно-Глинскою“. Въ иконѣ три изображенія, отдѣленные другъ отъ друга особыми счертаніями.

Главное мѣсто въ ней занимаетъ изображеніе св. праведной Анны, возлежащей на одрѣ. Въ верхнемъ правомъ углу — праведный Іоакимъ, а въ нижнемъ правомъ — Пресвятая Дѣва Марія, въ видѣ младенца на рукахъ у женщины. Говорить нечего о томъ, что икона украшена золотомъ и драгоценными камнями. Она помѣщается въ серебряномъ кіотѣ надъ царскими вратами.

Особеннымъ вниманіемъ пользуются еще: Неукротенный образъ Спаса на убрусѣ, копія Иверской

лось то картинное шествіе монаховъ въ маітіяхъ, которое такъ занимаетъ людей, мало знакомыхъ съ обрядами старинныхъ большихъ пустыней. По два въ рядъ серьезные иноки длиною вереницею подвигаются къ аналою, размѣрочно кладутъ земные поклоны, чинно прикладываются къ Евангелію, принимаютъ отъ іеромонаха помазаніе масломъ, опять оба въ разъ кланяются въ землю, потомъ дѣлаютъ поясные поклоны другъ другу и расходятся въ разныя стороны.

Лишь въ половинѣ ночи кончилась служба.

Въ шестомъ часу утра заблаговѣстили къ обѣднѣ, и одновременно послушникъ сталъ стучать въ мою дверь.

— Вставайте! Отецъ архимандритъ зоветъ васъ къ обѣднѣ.

Наскоро одѣлся и посидѣлъ въ соборѣ. Многочленный хоръ монаховъ прекрасно спѣлъ Херувимскую особеннымъ напѣвомъ,—кажется, созданнымъ въ этихъ краяхъ. Послѣ обѣдни соборне, съ о. архимандритомъ во главѣ, служили молебень съ акаѣстомъ Спасителю. Полностью пѣли канонъ. По окончаніи молебна о. настоятель помазалъ молящихся масломъ изъ горящей лампы передъ образомъ Спасителя.

Тутъ же въ храмѣ я осматривалъ богатую ризницу.

Если внимательно пріемотрѣться къ богослуженію и ко всѣмъ порядкамъ иноческой жизни Глинской пустыни, то можно подмѣтить много своеобразнаго, оригинальнаго, невиданнаго въ другихъ обителяхъ. Напримѣръ, каженіе въ праздники производится двумя іеродіаконами, которые несутъ при этомъ на своихъ плечахъ пелену съ кивотомъ, въ видѣ дарохранительницы. Иногда кадятъ необыкновенными кадлалами, а старинными каціями, имѣющими вмѣсто цѣпочекъ ручки. „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“ возглашаетъ не іеромонахъ, а іеродіаконъ. Въ нѣкоторые праздники, послѣ литургіи, освящается особо приготовленное коливо, украшенное плодами. Особенно интересны своею своеобразностью богослуженія въ дни Страстной седмицы и св. Пасхи.

Для осмотра монастыря и скитовъ о. архимандритъ далъ мнѣ въ путеводители своего помощника—ризничаго, о. Тимофея. Мы обошли всѣ церкви, братскіе корпуса и всѣ службы. Я осматрѣлъ большую кухню, пекарню, трапезную, бібліотеку, живописную мастерскую, переплетную, токарную, ложечную и др. Были и въ монастырской больницѣ—большомъ зданіи между садами и сосновымъ лѣсомъ. Проѣхали въ Спасо-Иліодоровскій скитъ, основанный на мѣстѣ пустынныхъ подвиговъ схи-архимандрита Іліодора, который при своемъ постригѣ удостоился явленія ангела, а потомъ сподобился многихъ небесныхъ видѣній. Въ этотъ скитъ запрещено входить женщинамъ.

Скитская жизнь началась въ 1893 г. подъ руководствомъ строгаго подвижника, схимника Архиппа.

Я обошелъ нѣкоторыя скитскія кельи. Бесѣдовалъ съ о. архимандритомъ, проживающимъ здѣсь на покой, говорилъ и съ о. Михаиломъ, бывшимъ капитаномъ. Этотъ офицеръ-монахъ занялся составленіемъ небольшихъ издательскихъ статей, которыя Глинская пустынь издастъ въ видѣ маленькихъ брошюръ. Настоятель пустыни, о. Исаія, въ этомъ отношеніи выделяется изъ многихъ игуменовъ монастырей. Онъ не ограничивается заботой только о вѣрной ему братіи. Для него дороги всѣ приходящіе помолиться въ пустынь (а ихъ за годъ перебиваетъ у него до пятидесяти тысячъ); онъ заботится о всѣхъ православныхъ христіанахъ, ради которыхъ и занялся издательскою дѣятельностью.

Кромѣ дальняго Спасо-Иліодоровскаго скита, есть еще ближній, съ храмомъ во имя св. богоотецъ Іоакима и Анны. Это былъ первый храмъ въ Глинской

пустыни, потому что близъ этого мѣста явилась чудотворная икона Рождества Богородицы на соснѣ. До сихъ поръ хранится здѣсь часть этого дерева. Въ память досточастнаго явленія сюда приносятъ съ молебнымъ пѣніемъ чудотворную икону. Передъ нею несутъ большой крестъ и монограмму имени „Марі“ въ золоченомъ сіяніи.

— „Крестъ и Марія“,—сказалъ мнѣ одинъ инокъ,—это два главныхъ символа нашего спасенія. Что бы ни случилось съ тобою, вспомни только „Крестъ и Марію“,—и ты получишь облегченіе и скорое избавленіе.

Онъ же мнѣ сказалъ стихотвореніе, озаглавленное „Крестъ и Марія“:

Холоднымъ льдомъ куетъ зима;
Съ тепломъ несеннымъ все растаетъ.
Суровый приговоръ ума
Любовь сердечная смягчаетъ.
Такъ Матерь Божія Христа
За всѣхъ насъ грѣшныхъ умоляетъ
И скорби нашего креста
Небесной радостью смѣляетъ.

Изъ ряда почтенныхъ настоятелей Глинской пустыни выдается игуменъ Филаретъ (избранъ братіей въ 1817 г., скончался въ 1841 г.). Онъ принялъ, разсказываютъ, пустынь въ самомъ жалкомъ состояніи, но рядомъ строгихъ и благоразумныхъ мѣръ, можно сказать, пересоздалъ обитель. Отецъ Филаретъ былъ въ большомъ почетѣ среди высшаго духовнаго и свѣтскаго круга въ С.-Петербургѣ. Когда, въ 1825 г. поднялись голоса противъ монашества, государь Николай I попросилъ „убогаго старца“ пріѣхать въ столицу. О. Филаретъ простыми, но неотразимыми доказательствами опровергъ всѣ доводы противниковъ монашества. Среди братіи Глинской пустыни есть убѣжденіе, что тѣло игумена Филарета почиваетъ въ гробу негнѣшимъ.

Современный настоятель пустыни, архимандритъ Исаія, очень симпатичный старецъ. Большой любитель монашескихъ сказаній и назидательныхъ легендъ, онъ предпринялъ путешествіе въ Іерусалимъ и на Аѳонъ, гдѣ почерпнулъ много новыхъ преданій отъ уважаемыхъ старцевъ Востока. По отношенію ко мнѣ о. Исаія оказалъ явное радушіе и на пропаніе надѣлилъ меня просфорами, книгами, фотографіями, ложками и рѣзною тростью съ рукояткою въ видѣ головы орла, монастырской работы.

Оглядываясь на Глинскую пустынь, на это крестьянское братство, на трудовую артель въ своемъ родѣ, я не могу не повторить опять того же, что я сказалъ и про Софроніеву пустынь. Отчего бы сосѣдней бѣдной Петропавловской пустыни не соединиться съ богатой Глинской? Отчего бы не соединиться всѣмъ четыремъ обителямъ Путивльскаго уѣзда—Путивльскій, Софроніевой, Петропавловской и Глинской—въ одно большое братство, въ одну громадную земледѣльческую артель? Отъ этого выиграло бы и благосостояніе каждой пу-

стали отдельно, и всё вместе онъ могли бы располагать большими средствами для выполнения обширныхъ плановъ монастырскаго хозяйства, во всёхъ его отрасляхъ. Да и не было бы соревнованія, а иногда и соблазнительныхъ распрей, между этими пустынями, когда онѣ составляли бы одну дружескую семью больше чѣмъ въ тысячу душъ.

Ив. Ювачевъ.

Простыя рѣчи.

V.

ГЕШЕРЪ, когда всестороннее разстройство церковной жизни становится очевиднымъ и для тѣхъ, кто еще недавно закрывалъ глаза на дѣйствительное положеніе дѣлъ; когда состояніе церкви многимъ кажется безвыходнымъ и безнадежнымъ; когда итоги церковной казенщины оказались такими чудовищными и ужасными; когда неуверенные голоса одинокихъ писателей случайно и оцущею намѣчаютъ причины разгрома и сомнительные пути спасенія,—надо вспомнить, что всё эти тревожные вопросы намѣчены и рѣшены давно, когда еще громъ не гремѣлъ и для огромнаго большинства зрителей небо казалось безоблачнымъ.

Рядомъ съ официальной церковью, которая служила политическимъ зломъ дня, какъ сотрудникъ государственности, слагался, росъ и мужалъ другой, вполне сознательный и истинно-христіанскій взглядъ на сущность и общественный смыслъ православія, какъ всецелесообразной истины, другой взглядъ на внутренний и внѣшній строй Христовой церкви, болѣе соответствующій каноническимъ установленіямъ о свободной христіанской общинѣ.

Надъ этимъ много и съ огромнымъ успѣхомъ поработали славянофилы. Имена А. С. Хомякова, Юр. Ф. Самарина и И. С. Аксакова должны напоминать каждому ряды высокихъ, благородныхъ и чистыхъ думъ, чуждыхъ всякаго личнаго расчета, лукавства или лицемерія. У нихъ драгоценныя склады безусловной искренности, горячей вѣры и зоркаго разума. Надо, чтобы въ наши смутные дни рѣчи ихъ стали достояніемъ всего народа. Въ ихъ обличеніяхъ много правды, и они ясно видѣли не случайныя ошибки и недочеты, а самый корень зла.

Ихъ мысль—ясна. Если они ошибались, надо доказать это. Если нѣтъ, зачѣмъ закрывать глаза на правду и останавливаться на полумѣрахъ?

Позволю себѣ напомнить читателямъ нѣсколько замѣчаній Ю. Ф. Самарина, сдѣланныхъ имъ въ предисловіи къ собранію сочиненій А. С. Хомякова—въ глубокой увѣренности, что они и до сихъ поръ сохраняютъ все свое значеніе и для современной церковной жизни и показываютъ единственный путь возрожденія и обновленія.

Это предостерегающій голосъ для двухъ спорящихъ сторонъ, для двухъ крайностей, которыя обѣ одинаково не ведутъ къ цѣли.

„Общественные идеалы,—говорилъ онъ,—не выдумываются и не навязываются. Они слагаются сами собою, вырабатываясь постепенно, историческою жизнью цѣлаго народа и передаются отъ одного поколѣнія къ другому безчисленными, незримою нитями живого преданія. Гдѣ историческое преданіе порвано, тамъ идеалы теряютъ свою жизненность, тускнѣютъ въ сознаниіи и въ совѣсти. Гдѣ каждое поколѣніе обзаводится для своего обихода новыми всякаго рода идеалами политическими, художественными, религіозными, тамъ они остаются на степени мѣнѣй или увлеченій, но не переходятъ въ убѣжденія и не приобретаютъ разумной силы надъ волей. Гдѣ съ каждымъ десятилѣтіемъ мѣняются основы и системы воспитанія общественнаго и частнаго, тамъ не бываетъ ни зрѣлости умственной, ни крѣпкаго закала характеровъ, ни строгости нравственныхъ требованій. Самая почва общественная мало-по-малу выветривается; она, повидному, не теряетъ своей восприимчивости; она даже слишкомъ восприимчива и непряхотлива; повидному, на ней можетъ расти все, но все обращается въ пустоцвѣтъ, и ничто не вызрѣваетъ въ плодъ. Такая почва неблагоприятна для вѣры,—не потому, конечно, чтобы она отвергала ее систематически, а просто потому, что въ ней нѣтъ на нее запроса“.

Едва ли это положеніе можетъ возбудить споры. Нельзя отрицать огромнаго значенія преданія въ умственной и нравственной жизни людей, общества и народовъ. Но не всякое преданіе, такъ или иначе устанавливающееся въ церковной жизни, можно и должно считать церковнымъ преданіемъ.

„Въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, въ законахъ и пріемахъ правительства,—словомъ, въ томъ, что обыкновенно подразумѣвается подъ существующимъ порядкомъ вещей,—всегда и вездѣ есть мѣсто для честной критики и законнаго осужденія. Пока люди, подъ этимъ порядкомъ живущіе, развиваются и идутъ впередъ,—лучшіе, передовые люди никогда не находятъ въ немъ полного удовлетворенія всёхъ, разумѣется—разумныхъ, своихъ потребностей. Въ этомъ неудовлетвореніи и исканіи лучшаго—начало политическаго правильнаго прогресса. Вѣра, какъ выраженіе безусловнаго и неизмѣняющагося, не можетъ и не должна имѣть къ этой области никакихъ отношеній; у нея нѣтъ готовыхъ формулъ, которыми бы она могла подслуживаться правительству или обществу въ разрѣшеніи вопросовъ государственнаго или общественнаго права; область ея творчества—личная совѣсть и только *черезъ* эту область, просвѣтленіемъ совѣсти и укрѣпленіемъ въ ней свободныхъ побужденій, участвуетъ она, хотя рѣшительно, но всегда косвенно, въ развитіи юридическихъ отношеній. Но, *когда существующій порядокъ вещей весь альтнкомъ ста-*

бится подъ непосредственную охрану вѣры, когда ей, такъ сказать, навязывается одобрение, благословеніе и освященіе всего, что есть въ данную минуту, но чего не было вчера и чего можетъ не быть завтра, тогда, естественно, всѣ самыя разумныя потребности, неудовлетворяемыя настоящимъ, всѣ самыя мирныя и скромныя надежды на лучшее, наконецъ, самая вѣра въ тародную будущность—все это пріучаетъ смотрѣть на вѣру, какъ на преграду, черезъ которую рано или поздно нужно будетъ перешагнуть, и мало-по-малу склоняются къ невѣрію.

„Вѣра, по существу своему, несговорчива, и въ сдѣлки съ нею входить нельзя. Нельзя признавать ее условно, въ той мѣрѣ, въ какой она намъ нужна для нашихъ цѣлей, хотя бы и законныхъ. Вѣра воспитываетъ терпѣніе, самопожертваніе и обуздываетъ личныя страсти,—это такъ. Но нельзя прибѣгать къ ней только тогда, когда страсти разыгрываются, и только для того, чтобы кого-нибудь урезонить или пристращать расправою на томъ свѣтѣ. Вѣра—не палка, и въ рукахъ того, кто держитъ ее, какъ палку, чтобы защищать себя и пугать другихъ, она разбивается въ щепы. Вѣра служитъ только тому, кто искренно вѣритъ, а кто вѣрится, тотъ уважаетъ вѣру. А кто уважаетъ ее, тотъ не можетъ смотрѣть на нее, какъ на средство. Требованіе отъ вѣры какой бы то ни было полицейской службы есть не что иное, какъ своего рода проповѣдь невѣрія, можетъ быть, опаснѣйшая изъ всѣхъ по ея общепонятности. У насъ и эта проповѣдь дѣлала свое дѣло...“

Я думаю, что теперь очень и очень кстати вспомнить эти умныя, благородныя и глубоко искреннія слова Ю. Самарина. Вѣра—лучшее достояніе народа, вѣра, которая связываетъ и объединяетъ многія смѣны поколѣній, которая видитъ передъ собою вѣчное и неизмѣнное, всегда и неутомимо плетъ къ нему, не останавливаясь, не уходя назадъ, въ дружныхъ общихъ усиліяхъ подмѣчая и осуществляя въ жизни все новыя и новыя подробности угаданной и понятой правды.

Она не равнодушна къ подробностямъ и мелочамъ жизни. Она все по возможности должна озарить своимъ свѣтомъ, въ каждомъ событіи должна сквозь его виѣшнюю оболочку найти его внутренній нравственный смыслъ и въ этомъ проникновеніи найти свою дорогу въ личной и общественной дѣятельности.

По временнымъ и случайнымъ правиламъ и формамъ текущей жизни она не должна обременять свою свободу за счетъ будущихъ поколѣній, не должна вводить ихъ въ свое церковное преданіе, которое по справедливости считалось и считається вселенскимъ, не должна заграждать передъ собою дорогу, чтобы избѣжать долгихъ лѣтъ застоя, иногда паралича, почти смерти.

Дѣло совѣсти—всегда и дѣло свободы. Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ и вѣры.

И, думается, что именно теперь, въ наши дни, когда, съ одной стороны, мимолетныя вѣянія времени

грозятъ затемнить то вѣчное и неизмѣнное въ церкви и вѣрѣ церкви, безъ чего она перестанетъ быть церковью, а, съ другой, упорно и безсознательно видятъ въ церкви только казенное государственное вѣдомство, бездушное и безотвѣтственное подчиненіе свободной совѣсти чиновничьей машинѣ,—великіе завѣты школы славянофиловъ должны воскреснуть для новой жизни послѣ двухвѣкового насильственного перерыва.

И это вовсе не одинокія мечты одинокихъ мечтателей, не новыя мысли, порвавшія съ преданіемъ и дѣйствительностью несбыточныя мечты о томъ, чего не было, нѣтъ и быть не можетъ,—а просвѣтленное самосознаніе и самоопредѣленіе на почвѣ многовѣковой жизни, долгаго опыта и жизненной правды.

Было бы очень ошибочно думать, будто бы это слишкомъ общее начало жизни, что его признаніе не устранитъ настоящихъ практическихъ неудобствъ и нестроений церковнаго быта, что эти нестроения возникли будто бы не на этой почвѣ.

На самомъ дѣлѣ это не такъ. Разъ будетъ признано и принято это общее начало, мало-по-малу станетъ мѣняться вся жизнь. Если въ сознаніи всѣхъ осядетъ и укрѣпится убѣжденіе, что въ мірѣ нѣтъ силы выше свободной вѣры и свободной совѣсти въ нѣдрахъ свободной церкви,—все, что съ вѣками, какъ посторонній и неестественный наростъ, приросло къ ея существу видѣ, что неказало и давило ея естественный ростъ, будетъ постепенно отпадать, какъ ветхая чешуя, давая просторъ новой и полной жизни.

Пусть это только идеалы. Но вѣдь только въ этихъ идеалахъ и зрѣетъ жизнь духа.

Олегъ.

ВЫСОЧАЙШИЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,
Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Манифестомъ 6 августа 1905 года Мы возвытели о созывѣ Государственной Думы изъ выборныхъ отъ населенія, утвердивъ того же числа ея учрежденіе. Манифестомъ 17 октября минувшаго года Мы предоставили Государственной Думѣ новыя въ дѣлахъ законодательства полномочія. Съ тѣмъ вмѣстѣ Нами одобрено предположеніе о переустройствѣ Государственнаго Совѣта на началахъ виднаго участія въ немъ выборныхъ отъ населенія.

Исполняя такое повѣреніе Наше, Мы повелѣли выработать необходимыя вслѣдствіе того въ учрежденіи Государственнаго Совѣта измѣненія, а также подвергнуть пересмотру учрежденіе Государственной Думы для согласованія его съ началами, 17 октября прошлаго года Нами провозглашенными. Трудъ сей былъ исполненъ.

Къ участію въ законодательной дѣятельности Государственнаго Совѣта призываются, въ равномъ числѣ съ членами, присутствующими въ немъ по назначенію Нашему, выборные члены отъ духовенства господствующей въ Россіи православной церкви, отъ земства и гласности, а также представители науки, торговли и промышленности. Въ томъ числѣ оставшіе Государственному Совѣту предоста-

вплотить въ дѣлахъ законодательства россійскаго Государственнаго Ду-
мово права.

Сохраняя неизбѣжнымъ коренное положеніе основныхъ государ-
ственныхъ законовъ, на основаніи коихъ никакой законъ не можетъ
имѣть своего совершенія безъ Нашего утвержденія, Мы постановляемъ
передъ общими правдами, что, со времени созыва Государственнаго
Совѣта и Государственной Думы, законъ не можетъ воспріять силы
безъ одобренія Совѣта и Думы.

Но во время прекращенія занятій Государственной Думы, если
чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость въ такой мѣрѣ,
которая требуетъ осуществленія въ порядкѣ законодательномъ, совѣтъ
министровъ представляется о ней Намъ непосредственно. Мѣра эта не
можетъ, однако, вносить измѣненій ни въ основные государственные
законы, ни въ учрежденія Государственнаго Совѣта или Государствен-
ной Думы, ни въ постановленія о выборахъ въ Совѣтъ или Думу.
Дѣйствіе такой мѣры прекращается, если поддѣжащимъ министромъ
или главноуправляющимъ отдѣльною частью не будетъ внесенъ въ
Государственную Думу въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ послѣ возо-
бновленія занятій Думы соотвѣствующій приватной мѣрѣ законо-
проектъ или его не примутъ Государственная
Дума или Государственный Совѣтъ.

Предстоящую совмѣстную съ высшихъ
государственныхъ учреждений дѣятельность Мы
устанавливаемъ на слѣдующихъ главныхъ
основаніяхъ:

Государственный Совѣтъ и Государствен-
ная Дума ежегодно созываются и распу-
скаются указами Нашими.

Государственный Совѣтъ протѣряетъ пол-
номочія своихъ членовъ по выборамъ. Рав-
нымъ образомъ, Государственная Дума про-
тѣряетъ полномочія своихъ членовъ. Одно и
то же лицо не можетъ быть одновременно
членомъ Государственнаго Совѣта и членомъ
Государственной Думы.

Государственному Совѣту и Государствен-
ной Думѣ въ порядкѣ, ихъ учрежденіями
опредѣленномъ, предоставляется возбуждать
предположенія объ отмінѣ или измѣненіи
дѣйствующихъ и изданіи новыхъ законовъ,
за исключеніемъ основныхъ государственныхъ
законовъ, починъ пересмотра коихъ Мы со-
храпляемъ за собою.

Законодательныя предположенія разма-
триваются въ Государственной Думѣ п, по
одобреніи ея, поступаютъ въ Государствен-
ный Совѣтъ. Законодательныя предположенія,
предначертанныя по почину Государственнаго
Совѣта, разсматриваются въ Совѣтѣ и, по одобреніи имъ, поступаютъ
въ Думу.

Законодательныя предположенія, одобренныя Государственнымъ
Совѣтомъ и Государственною Думою, представляются на Наше усмо-
тѣніе. Законодательныя предположенія, не принятыя Государствен-
нымъ Совѣтомъ или Государственною Думою, признаются отклоненными.

Государственному Совѣту и Государственной Думѣ въ порядкѣ,
ихъ учрежденіями опредѣленномъ, предоставляется обращаться къ ми-
нистрамъ и главноуправляющимъ отдѣльными частями, подчиненнымъ
по закону Правительствующему Сенату, съ запросами по поводу та-
кихъ, послѣдовавшихъ съ ихъ стороны или подвѣдомственныхъ имъ
лицъ и установлений, дѣйствій, кои представляются незаконными.

Въ развитіе сихъ главныхъ основаній предначертаны и Нами
утверждены постановленія о измѣненіи учрежденія Государственнаго
Совѣта, а также пересмотрѣнное, по указаніямъ Нашимъ, учрежденіе
Государственной Думы. Указанія сіи Мы повѣдали Правительствующе-
му Сенату обнародовать во всеобщее свѣдѣніе.

О порядкѣ обсужденія законопроектовъ, общаго для Имперіи и
Великаго Княжества Финляндскаго, Нами въ свое время будутъ пре-
даны подлежащія указанія.

Привыкая благословеніе Божіе на предпринимасное Нами неликое
преобразованіе въ государственномъ строѣ дорогого Отечества, Мы
улавемъ, что открываемыя Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ пути къ
къ участію, чрезъ выборныхъ, въ единеніи съ Нами въ дѣлахъ за-
конодательства приведутъ къ возрожденію духовныхъ и матеріальныхъ

Россіи и въ утвержденіи въ ней порядка, единенія и сла-
вности, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ упроченію единства и величія
Государства.

Данъ въ Царскомъ Селѣ, въ 20-й день февраля, въ лѣто отъ
Рождества Христова тысяча девятьсотъ шестое, Царствованіи же
Нашего въ двѣнадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества
рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

По поводу настоящаго Высочайшаго манифеста 20 февраля и
одновременно съ нимъ опубликованнаго именнаго указа Сенату «Но-
вое Время» пишетъ:

«Важѣйшею новостью названныхъ двухъ государственныхъ актовъ
является новое учрежденіе Государственнаго Совѣта, который преобра-
зуется во вторую или верхнюю палату, равноправную съ Государствен-
ной Думою по дѣламъ законодательства, но составленную, какъ это
уже извѣстно по слухамъ, на половину изъ членовъ по назначенію
короны и на половину изъ выборныхъ членовъ. Послѣдніе избираются:
отъ православнаго духовенства — по 3 отъ
чернаго и отъ бѣлаго, а всего 6 членовъ,
отъ дворянства—18, отъ земствъ—34, отъ
академіи наукъ и университетовъ — всего
6 членовъ, отъ торговли и мануфактуръ по
выбору биржевыхъ и другихъ комитетовъ, а
также купеческихъ управъ—12. Кроме того,
отъ 16 губерній и областей, гдѣ вѣтъ зем-
скихъ учреждений, по одному члену отъ каж-
дой выбирается особыми, учреждаемыми для
этого, выборными собраніями, и отъ Царства
Польскаго—6. Такимъ образомъ, число вы-
борныхъ членовъ въ Совѣтъ достигаетъ 98,
а общее число его членовъ составитъ, слѣ-
довательно, 196. Члены Совѣта выбираются
на 9 лѣтъ, съ тѣмъ, что черезъ каждые три
года треть первоначально избраннаго состава
по очереди выбываетъ и замѣняется новыми
членами. Для выбора въ Совѣтъ отъ земствъ
и губернскихъ собраній въ неземскихъ губер-
ніяхъ требуется имѣть возрастъ не менѣе
сорока лѣтъ, образованіе не ниже средняго
и имущественный цензъ въ тридцать размѣрѣ
противъ установленнаго для непосредствен-
наго участія въ выборахъ членовъ Думы или
же равный этому послѣднему цензу, если изби-
раемые не менѣе двухъ выборныхъ сроковъ
занимали извѣстныя общественныя должности.
Предсѣдатель Совѣта назначается Государемъ.

«Обѣ палаты имѣютъ одинаковыя права законодательнаго почина
по всемъ отдѣламъ законодательства, кромѣ основныхъ законовъ. Для
полученія санкціи принятыи Думою законопроектъ долженъ получить
одобреніе Государственнаго Совѣта.

«Ни одинъ законъ не можетъ получить силы безъ предварительнаго
его разсмотрѣнія законодательными палатами. Лишь на экстренные
случаи, могущіе возникнуть во время палатскихъ каникулъ, Совѣту
Министровъ предоставлено вносить на утвержденіе Верховной власти
требуемыя обстоятельствами мѣры, по съ тѣмъ, что по возобновленіи
сесіи законодательныхъ палатъ, эти мѣры должны быть представлены
въ опредѣленный короткий срокъ на ихъ разсмотрѣніе, причѣмъ эти
мѣры не могутъ касаться ни основныхъ законовъ, ни учрежденій
Думы или Совѣта, ни выборовъ въ эти учрежденія.

«Въ общемъ эти акты даютъ все главное, что открываетъ рус-
скому обществу пути къ участію, чрезъ выборныхъ, въ единеніи съ
Верховною властью въ дѣлахъ законодательства.

По своему обыкновенію „Н. В.“ заранѣе привѣт-
ствуетъ всякія новыя закононенія, какъ заранѣе при-
вѣтствовало оно и Думу по положенію 6 августа, ока-
завшуюся мертворожденнымъ дѣтищемъ чиновничества.
Самые указы объ учрежденіи Госуд. Совѣта и Госуд.
Думы, полагаемъ, уже извѣстны всемъ читателямъ изъ
газетъ.

Схи-архимандритъ Іліа Доръ.
(Къ статью: „Глинская пустынь“)

Вѣсти и замѣтки.

◆ 16-го сего февраля въ Царскомъ селѣ Государю Императору представлялась депутация отъ самодержавно-монархической партіи гор. Иваново-Вознесенска, Владимирской губерніи. Его Величеству были поднесены адреса съ выраженіемъ вѣрноподданныхъ чувствъ отъ самодержавно-монархической партіи жителей города и железнодорожныхъ рабочихъ станціи Иваново-Вознесенскъ. Его Императорскому Величеству благоудно было обратиться къ депутации со слѣдующими словами: «Знаю и цѣню ваши чувства. Отъ души благодарю васъ и въ вашѣмъ лицѣ всю самодержавно-монархическую партію. Передайте всемъ уполномочившимъ васъ, что реформы, которыя Мною возвышены манифестомъ 17 октября, будутъ осуществлены неизмѣнно въ права, которыя Мною даны однаково всему населенію, неотъемлемы: *самодержавіе не Мои останетъ такимъ, какимъ оно было естарь*. Спасибо вамъ за вашу преданность».

◆ 7-го февраля въ Царскомъ селѣ Его Величеству Государю Императору представлялись депутация старообрядцевъ различныхъ сослایи, которая представила Его Величеству адреса съ выраженіемъ вѣрноподданныхъ чувствъ въ благодарности за дарованіе свободного исповѣданія вѣры. Въ отвѣтъ на привѣтствіе старообрядческихъ депутатовъ Государь Императоръ сказалъ слѣдующее: «Спасибо вамъ за одушевляющія васъ чувства горячей преданности мнѣ, которыя меня сердечно тропили и которыя я глубоко цѣню. Тѣснымъ единеніемъ съ своими царями и взаимнымъ довѣріемъ русскій народъ всегда былъ и будетъ крѣпокъ и спаянъ. Благодарю васъ отъ души».

◆ Необходимымъ условіемъ прочныхъ взаимоотношеній между пастыремъ и пасомыми является продолжительность пребыванія пастора на одномъ мѣстѣ. Между тѣмъ это именно и не соблюдается у насъ, особенно въ отношеніи высшей іерархіи. Такъ, изъ 62 архипастырей списка 1903-го года только одинъ еще не успѣлъ переимѣнить кафедръ, 5 перемѣнили по 5 кафедръ, 2—по шести кафедръ, одинъ—даже 7. Безъ взять всѣхъ 104 епископовъ, служившихъ въ предѣлахъ Имперіи до 1903 г., то среднее пребываніе епископа на одной кафедрѣ едва превышаетъ 4 года. Больше 5 лѣтъ изъ 104 епископовъ пробыли на одной кафедрѣ только 24. На 41 епископа приходится мѣсяте трехъ лѣтъ неразрывной связи съ паствою.

«Едва,—говоритъ смоленскій епархіальный органъ,— епископъ успѣваетъ сколько-нибудь ознакомиться съ дѣлами, условіями и вѣ- которыми личностями изъ пасомыхъ, какъ его уже переводятъ въ другую епархію, гдѣ онъ чужой человѣкъ и вичего о жизни епархіи не знаетъ».

◆ Недавно въ Самарѣ происходило пастырское собраніе. Въ числѣ прочихъ вопросовъ обсуждался вопросъ о церковной благотворительности, и одинъ изъ членовъ собранія высказалъ при этомъ слѣдующее положеніе.

«На богадѣльни, на пріюты, сами по себѣ, не имѣютъ существеннаго значенія въ пастырскомъ дѣланіи,—говорилъ ораторъ.—Необходимо одушевленіе священника, лучшая помощь сиротамъ и бѣднымъ. Осталась сирота въ приходѣ—надо сейчасъ же о ней позаботиться, накормить и одѣть. А богадѣльня только плодять чиншьяковъ; никому изъ нихъ дѣла нѣтъ до сиротъ; заплата въ три рубля, да тѣмъ и ограничѣлся, а сердце по-прежнему сухое. Нѣтъ, надо, чтобы живая связь была между прихожанами, чтобы всякое несчастье въ приходѣ прикрывалось благотворительной рукой. И надо замѣтить, что наши крестьяне въ этомъ отношеніи очень отзывчивы: они умѣютъ покрывать чужое горе. Если бы и у насъ это было, то нищія собственными, приходскими средствами были бы обезпечены».

Съ высказаннымъ нельзя не согласиться. У насъ всякое живое дѣло такъ быстро заѣдается формализмомъ, что въ богадѣльни—эти благотворительныя учрежденія—стали въ концѣ концовъ приносить пользу всемъ, только не призваннымъ.

Къ рисулку.

Обличеніе царя Давида пророкомъ Наоаномъ.

Это было величайшее грѣхопаченіе Давида. Возвышенный изъ положенія пастуха до царскаго трона, окруженный богатствомъ в роскоши, проводя жизнь въ довольствіи и вѣгѣ въ кругу своихъ многочисленныхъ женъ,—аръ подлетѣлъ на семейное счастье израильтя-

нина Урія. Обычная неспасительность людей, давшихъ волю своимъ низкимъ влестивностямъ! И ничто—ни сознаніе великихъ милостей Божіихъ, которыми была осыпана жизнь Давида, ни голосъ простой человѣческой справедливости по отношенію къ беззащитному подданному, ни, наконецъ, чувство порядочности, заставляющее человѣка сдерживать свои дурныя страсти во имя торжества духа,—ничто не удержало сластолюбиваго царя отъ грѣха. Унижѣвъ однажды купающуюся жешпну, по имени Вирсавію, царь плѣнился ея красотой и, пославши за ней своихъ слугъ, склонялъ ее на грѣхъ. А такъ какъ эта женщина была замужняла, то отъ одного грѣха царь шагнулъ и къ другому,—можеъ быть, еще болѣе горшему: узнавъ, что мужъ Вирсавіи находится на войнѣ, царь отдалъ приказъ военачальнику поставить несчастнаго супруга въ первые ряды, чтобы вражеская рука дѣвшла его живымъ. Такъ и случилось... И царь возликовать. Онъ взялъ вдову въ гаремъ своего дворца и со спокойной совѣстью грѣшилъ съ нею.

Совѣтъ царская дремала. Но вотъ, къ царю явился пророкъ Божій Наоанъ. Онъ разсказалъ царю притчу о томъ, какъ одинъ богатъ, принимая въ своемъ домѣ странника и желая угостить его, пожалѣлъ взять овцу изъ своихъ многочисленныхъ стадъ и отплатъ послѣднюю овечку у одного бѣдняка...

И удивительное дѣло: царь «сильно разгнѣвался на этого богача и сказалъ Наоану: достоинъ смерти этотъ человѣкъ, а за овечку долженъ заплатитъ вчетверо, за то, что не имѣлъ состраданія» (2 Цар. XII. 5—6). Царь беззакопничаетъ, не только забываетъ о «состраданіи», но предубѣждаетъ, совершаетъ убійство—и всей гнусности этихъ грѣховъ не сознаетъ; а вотъ онъ послышалъ о томъ, что кто-то забылъ о «состраданіи»,—и кричитъ: достоинъ смерти!

Только тогда, когда отъ имени Божія пророкъ открываетъ царю глаза, что онъ осудилъ самъ себя, и предрекаетъ ему страшное бѣдствіе въ его семьѣ,—царь пришелъ въ смущеніе и сознался: согрѣшилъ я предъ Господомъ! Въ наказаніе за этотъ грѣхъ Господь поразилъ смертью царскаго сына-младенца, рожденнаго отъ беззаконно ирисвоенной вѣт Вирсавіи, а впоследствии—убійствомъ царскаго сына Амнова отъ руки брата и возмущеніемъ царскаго сына Авессаломъ противъ отца, которое закончалось смертью Авессаломъ. Обличеніе грѣхопаченія пророкомъ такъ сильно подѣйствовало на царя, раскаяніе его такъ было глубоко, что подъ влияніемъ покаянныхъ чувствъ онъ написалъ одинъ изъ душевнѣйшихъ своихъ псалмовъ—50-ый, въ которомъ выражены всѣ его муки изъ-за грѣхопаченія. Этотъ псаломъ: «Помилуй мя, Боже»... сталъ общимъ достояніемъ и всѣхъ христіанъ для выраженія покаяннаго чувства.

Почтовый ящикъ.

Подписчику № 3508. «Хлопоты о разводѣ» въ настоящее время обставлены такими стѣснительными условіями даже при полной наличности обстоятельствъ, служащихъ основаніемъ для развода, —что сказать объ удачѣ или неудачѣ мы очень затрудняемся. Это дѣло консисторскаго суда, въ которомъ вести процессъ можно только при помощи опытнаго юриста.—Что касается должности учителя церковно-приходской школы, то съ прошеніемъ нужно обратиться въ мѣстное отдѣленіе епархіальнаго училищнаго совѣта.

Свящ. В. Р—му. Адресъ «Прав. Путеводителя»—Спб., Суворовскій пр. д. № 65; «Мис. Спутника»—Невскій. 153.

Н. И. Оба письма Ваши прочитаны съ большимъ интересомъ. Къ сожалѣнію, напечатать ихъ никакъ не можемъ.

Псаломщ. А. К—ву. Наю полагаю, что къ этому дѣлу будутъ приглашены не только псаломщики, но и миряне. Статья по своему характеру болѣе подходила бы къ «Церк. Вѣстнику».

Не будутъ напечатаны:

О голодающихъ, стих. Т. И. Б.; Совѣтъ Весною, Молитва, Грѣшникъ в др. стих. Н. М. Б—го; Слово (проповѣдь) свящ. А. О.: Ночь холодная, стих. Н. П.: Благодареніе Богу, стих. А. П. М.; Богу и церкви. Домъ Божій. Жареніе впереди в др. замѣтки А. А. Ш.; Подайте помощь в Въ храмѣ, стих. С. В—аго; Странникъ, статья послушн. В. А.; Лучина гаснетъ, стих. Б—чь.

№ 9 журнала «Русскій Паломникъ» выйдет на городскую почту 3 марта, на иногороднюю 4 марта.

Издатель П. П. Соколинъ. Редакторъ И. Д. Феодоровскій.